

В нашей традиционной рубрике «Литературная страница» мы продолжаем печатать книгу восьмидесятитрехлетней камчатской журналистки Екатерины Ивановны Дедык (до замужества Наривлич Ёкав Ивановна) «Жизнь прекрасна всегда (судьба чавчунки)», которая погружает нас в мир малознакомый и притягательный одновременно. История малочисленных коренных народов Севера и Дальнего Востока просто и талантливо отражена в ее рассказах, читая которые хочется воскликнуть: «Неужели все это было, неужели это было совсем недавно?!»

(Начало в № 853 от 17.08.2016, № 118 от 7.09.2016)

Редакционная коллегия газеты «Вести»

Автобиографическая справка (печатается с сокращением)

«Я родилась в 1932 году в тундре во время кочевки недалеко от села Воямполка. До замужества мое имя в паспорте было записано так: Наривлич Ёкав Ивановна. В школе как записали по фамилии отчима, так и осталось. По родному отцу я Чечулина, так что наполовину чавчунка, напо-ловину нымыланка. Христианское имя мое – Кате-рина.

Восемь лет, с 1950 по 1958, я училась в Ленин-граде. Первые три года – на подготовительном от-делении. Это равносильно окончанию десятилетки. А затем пять лет вуза. Окончила Ленинградский государственный педагогический институт име-ни А.И. Герцена, факультет русского языка и ли-тературы, получила специальность преподавателя родного (корякского) языка и литературы. Хоро-шую школу прошли мы в северной столице. Наши-ми преподавателями были известные североведы: Петр

Яковлевич Скорик, Татьяна Александровна Молл, Лев Васильевич Беликов.

В 1958 году вернулись с подругой из Ленинграда в Палану, и началась новая жизнь. Подруга устроилась преподавать в школу. А я пошла работать на окружное радио и стала журналистом. Обзавелась семьей. Стала носить фамилию мужа – Дедык. Один за другим родились у нас четверо сыновей. Сейчас я бабушка семерых внуков. Уже есть внучка и правнучек...».

Моя взрослая жизнь

Начинаю новый цикл моих воспоминаний. В нем ничего не придумано, это вся моя жизнь. В предыдущих письмах я рассказывала о наших предках, об учебе. Новую главу моей жизни назову «Моя взрослая жизнь».

Как будто это все было только вчера. Мы с подругой вернулись домой из Ленинграда летом 1958 года. Одеты были очень нарядно, но самое главное, еще молодые. Нам было по 24-25 лет, по тем временам считалось, что мы только начинаем жить. Мой багаж – большой чемодан, набитый всякой литературой для будущей работы. Как дотащила, не знаю. Встречающие земляки удивлялись:

– Девочка, что же ты везешь?

– Книги.

Еще в чемодан положила большую синюю льняную скатерть, нехитрые подарки родным и духи «Аметист». Очень был красиво оформлен флакон, как самородок. Этот флакон послужил потом поводом для знакомства с моим мужем Олегом. Так вот, как в сказке.

Летом к нам в хибарку, типа хорошего коровника, заглянул юноша. Как посмотрела! Не могла оторвать взгляда от юноши, худенького, светловолосого, волосы коротко обстрижены, стоят торчком. Он напомнил мне стилига. Нас ведь с Верой в Палане тоже восприняли сначала как стилига, потому что мы были одеты не как паланские жители. Вот стоим с этим юношей в хибарке у «дверей» и оба не знаем, что дальше делать. Неожиданно он вымолвил:

– А у вас есть одеколон?

Я отвечаю:

– Одеколona нет, но у меня есть замечательные духи! – ну прямо как пароль в фильме.

А у меня был небольшой пузырек духов, ограненный как камень, красивого синего, немного сиреневого цвета.

Парень так растерялся:

– Нет, нет! Духи не нужны!

Оказывается, моя дальняя родственница Лина рассказала строителю-солдатику, что недавно приехала сестра из Ленинграда. Он не понял, подумал, что приехал магазин с разными товарами. Прибежал за одеколоном, купить хотел, а я ему про духи... Так мы и познакомились.

Оказывается, за год до нашего с Верой возвращения в Палану туда приехала бригада ребят после демобилизации на стройку. Они были из разных республик: с Украины, больше из России. Олег мой вместо того, чтобы после срочной службы на Камчатке ехать домой, отправился в Палану. Он хотел наказать отца за то, что тот после смерти мамы женился. Отец его воевал, участник Сталинградской битвы, весь израненный, лечился в Истре. Олег с маленькой сестренкой Любой, моей будущей золовкой, навещали отца в госпитале.

Уже потом, когда мы с Олегом жили семейной жизнью, я много раз просила его съездить к отцу. Он ни в какую. Дед прожил недолго, но успели списаться, хоть немного послала денег. А потом, спустя годы, когда мы приехали в отпуск в Орехово-Зуево, пришла к нам жена его познакомиться и рассказать, как все было. Она много делала, чтобы отец Олега хоть чуть-чуть окреп после ранений. Вот такой мой муж принципиальный. Он был моим верным другом. Я даже не представляю, что такое ревность. Это была любовь. Никогда больше не испытывала таких красивых чувств. Мы друг друга с первого взгляда полюбили.

В институте было много красивых ребят, но они были просто друзьями. Кто-то нравился тем, что пишет стихи, кто-то поет – вот и все. А эта встреча наша с «милым в шалаше» была самой первой и единственной любовью. У нас были общие интересы: книги, разговоры об искусстве.

С подружками в общежитии говорили о наших суженых:

– Девочки, вот мы сейчас сидим и пьем чай, а наши будущие мужья, наверно, что-то тоже делают.

Оказывается, я тогда совсем рядом была с моим будущим мужем, Олегом Дедыком. В то время он учился в мужской Орехово-Зуевской школе. Потом мы, вспоминая юность, часто представляли:

– Эх, если бы мы с тобой встретились тогда в Ленинграде.

Вообще, он просто заморозил меня. Мама уходила на колхозные поля с младшим братом, при мне оставалась сестренка, ученица четвертого класса. Белые ночи, мы одни – говорим, говорим, а утром уходим на работу. Между нами никогда не возникало темных мыслей. Олег видел, что мы с сестрой идем за хворостом. Решил однажды покатасть на лошади, чтобы привезти дрова. Села я на телегу, и покатили мы на самую красивую сопку. Едем по лесной тропинке. Красота! Мне так весело, что еду на телеге по лесу с молодым красивым юношей. Он чем-то напоминал белобрысого немца. Наверно, ему приглянулась дикарка, очень веселая и разговорчивая. А я ни на минуту не теряла бдительности. Как же, я в лесу?! С мужчиной?! А сама думаю: а вдруг утащит в лес? Всегда помнила наставления бабушки по этому поводу. Так тихо добрались на лошаденке до кедрачника, заготовили дровишек и домой. А там – уже пересуды соседей. Нет, не со зла, скорее, от удивления:

– Вот, Марина, зять возит дрова. Это Катин жених!

А у нас еще и в мыслях не было больших планов. Но уже поняли, что мы очень полюбили друг друга. К вечеру возвращались с кедровыми шишками и всю ночь за разговорами щелкали свежие орешки. Понемногу стали привыкать друг к другу. Вот так иногда ночами шептались. Вспоминали прошлое.

Мне было 25 лет, а ему 22 года. Вначале было очень неловко, что я старше его.

Вот первый поцелуй. Наши объяснения:

– Ты знаешь, Олег, ты – мой первый мужчина.

Ничего у меня никогда не было ни с кем.

– И у меня тоже. Была подруга, вместе жили в одном доме, но она вышла замуж, Люся Откупщикова. Я ее берег очень. Вспоминал о ней. Вот уже три месяца встречаемся. Вдруг Олег мне говорит:

– Катя, будь моей женой.

– Ну что ты, Олег, мы ведь совсем друг друга не знаем.

Он очень обиделся и перестал ходить. Я стала переживать, рассказала обо всем маме.

– Ничего, придет, – просто ответила мама.

И вот 4 ноября случилось то, что бывает со всеми молодыми людьми. Было мне очень страшно. Оба почему-то хохотали, ничего толком не знаем, что это такое.

На другое утро вышла на улицу, а там так светло и чисто. Какая тишина! Снег белый, пушистый. Иду, и мне кажется, что все люди смотрят на меня с осуждением. С того момента 4 ноября для меня – значимый день. Прожили вместе с Олегом 35 лет. Свадьбы никакой не было. Вот регистрация: обычный день, никаких свидетелей. В сельсовете расписали. Колец не было. На обратном пути зашли к моей школьной подруге, хотелось поделиться своей радостью. Она быстро приготовила сковородку жареного мяса, оленины, выпили бутылку красного вина, и пошли к себе в хижину. Маленький, старенький дом без мебели. Напрокат одноклассница дала железную кровать. Мама подарила нам одеяло, тоже ей кем-то подаренное. Оно служило и покрывалом, и постелью. В общем, с милым рай и в шалаше. Подруга Кававна меня предупреждала:

– Катя, смотри, эти строители с хутора выпивают.

Хутором в народе называли начало Паланы у подножья горы. У ребят было общежитие. В те времена я не знала, что значит пьющий человек. Это только потом поняла, как это страшно, через три месяца после женитьбы. За три месяца мы поженились. Иногда я маме жаловалась, говорила, что вернусь к ней домой, не хочу так жить с мужем. А мама в ответ:

– Дочка, я тебя замуж не выдавала, теперь учись, терпи.

Мама очень мудрая, поступала правильно. А если бы я ушла уже с сынишкой Вовой, куда бы дорога меня повела? Олег сам для себя решил – хватит пить! А мне стало от этого его решения очень радостно.

Придет домой, громко позовет меня:

– Кармен!

А я ему в ответ:

– Что, Хосе?

А дети всегда были рады, что папа такой веселый. Он их ни разу пальцем не тронул, но зато мне не доверял. Он любил по-своему. Очень любил приносить полевые цветы. Их так крепко держал, что стебли быстро портились.

Учу:

– Олег, ты неси нежно, не надо так крепко сжимать.

Возвратившись из леса, заходит радостный и подает букет ирисов:

– Мать, это ночные красавцы.

Я очень радовалась этим лесным подаркам.

Олег меня с собой в лес не брал, потому что всем разболтаю ягодные места. А я ему:

– Олег, знаю, где ты брал грибы. Вон на холмиках, там такая земля.

Иногда у нас были большие семейные походы. Наберем снеди полный рюкзак, котелки, чайники и прочие походные атрибуты и на целый день уходим из дома. Только дойдем до места – костерок разведем. Вывалим на импровизированный стол все, что в рюкзаке. Хорошо пообедаем и начинаем бродить по просторам – красота. Дети носятся. Перемажут лица ягодным соком, и игра в индейцев началась. Так хорошо! Небо голубое-голубое, вдали виднеется море, а дальние горы манят к себе. Но мы пока не планируем уходить, дети играют: братья, как щенята, по полю носятся. Но мы их из поля зрения не выпускаем.

Олег очень радовался нашему первенцу. Как-то сказал мне:

– Катя, пусть будет один.

Я тут же ответила:

– Нет, милый, любишь кататься – люби и саночки возить.

Советовалась на эту тему только с мамой. Она была еще молодая, всегда веселая. Просто сообщу:

– Мама, я опять беременная, что делать? Рожать или нет? Будешь нянчиться?

– Буду, буду, Ава! Рожай и не думай!

Олег привил детям любовь к книгам. Каждый вечер они ждали, когда отец продолжит чтение «Конька-горбунка» или другой книги. А я не умела читать просто, начинала декламировать, изображать сказочных героев. Валерик от меня сто раз слышал сказку «Семеро козлят». Чтобы заснул, начинала читать, превращаясь то в волка, то в маму-козу с жалобными словами:

– Бежит молочко по вымечку, а с вымечка по копытцам на сыру землю. Ребятюшки, козлятушки, это ваша мама пришла... – а сама так жалобно начинаю причитать, что разреветься можно.

Продолжаю:

– И вот пришёл Волк.

Валерий на этом месте останавливал мое декламирование и говорил:

– Мама, давай будем спать.

Сейчас Валерик уже взрослый, сам дедушка, вспоминает:

– Мама, а помнишь сказку про маму-козу? И начинаем смеяться.

Мама (Марина Якимовна Кавав, по мужу – Чечулина) ждала меня долгих восемь лет. Некогда пышные косы превратились в тоненькие хвостики. Здесь я уже сама мама троих ребят.

Появились Вова, Игорь и Марк. Марк вообще пристрастился к чтению. Однажды прихожу на обед с работы, а он в уголке сидит и чуть не плача говорит:

– Мама, эх, жаль, Бату Хана убили!

А я ему:

– Какой там Бату Хан?! У нас еще обеда нет!

– Эх, мама, как жаль Бату Хана.

Живем, работаем. В школу вызывают без конца. Ох и чудачили в школе. На собрании в первой части беседы начинали нахваливать отличников, очень хороших детей. Хотя по педагогике такого разделения ведь не должно быть. Во второй части собрания начинают долбить плохишей. Среди них, конечно, мои дети. А я сижу и слушаю, так обидно и неудобно перед хорошими родителями.

Сижу и думаю:

– Ну, погодите, дети, сейчас домой вернусь, разберемся!

Прихожу домой. Дети чувствуют, что мама наслушалась «хвалебных слов». По дороге

иду и думаю:

– Ну, что делать? Как мне быть?

Только войду:

– Мама, ты с собрания?

Я еле сдерживаю злость, отвечаю:

– Да, была на собрании, даже в учительской! Ну, ладно, поговорим обо всем завтра!

А завтра совсем другая жизнь. Дети радостные, никто не болеет. Правда, отцу особо не рассказывала подробности. Он очень любил и уважал сыновей, виноватой всегда была я. А мне – ничего.

В один день вдруг заметила: а дети-то совсем большие. Когда они выросли? Они самостоятельно что-то решали, конечно, как и все дети, ругались, дрались по пустякам. Но, хитрецы, к моему приходу становились все такие добрые:

– Мама, теперь можно погулять?

– Ну, конечно. Уроки сделали?

Дружно отвечали:

– Да!

– Молодцы!

Вечером, как гусята, идут домой грязные. Где они только бродили? Ставила в ряд обувь и начинала приводить в порядок. Гуляли всегда вместе. Летом старалась накормить их свежими ягодами. Они особенно любили домашний кисель из свежих ягод. Откроешь крышку – приятный запах на весь дом. Мне было смешно, как отец зазывал сыновей домой:

– Дети, идите скорей, мама кисель сварила!

Они уже тут, как будто никуда и не ходили. До сих пор вспоминают мамин кисель.

Вот уже у нас большая семья: четверо сыновей, да нас двое. Жизнь стала налаживаться. Можно было ехать в отпуск. Вот мы с сыном Валерием, самым младшим, решили съездить на материк. Он часто мне говорил:

– Мама, меня в школе дразнят, что я никогда не был на материке.

Вот восьмой класс позади. Решила рискнуть и впервые увидаться с родными мужа. Очень боялась, насмотрелась в детстве, как берут невест на материк, а они потом возвращаются: не пришились ко двору.

Вот и Москва. Сiju и говорю:

– Давай сначала съездим в мой Ленинград, а потом видно будет.

Приехали в Ленинград во время праздника Военно-Морского флота. Приехали рано утром и сразу поспешили в мой родной институт. Вот главный корпус, а вот садовые длинные скамейки, и такая тоска на меня напала. Никакого шума, тишина, только вахтер-пенсионер дежурит у ворот красивой арки. Я подошла к нему, расспросила о жизни в институте.

Потом пошли с сыном в нашу публичную библиотеку. Никого – лето. Все разъехались. Я стою и восхищаюсь старинным парком. Вот здесь мы когда-то собирались.

Незаметно прошло время. Давно уже годы студенчества позади. Уже и дети совсем выросли.

Сыновья мои пошли в армию. Тут особых проводов не было. Их брали прямо с учебы. Младшенький вдруг оказался в Казахстане, другой – в Новосибирске, третий – на Сахалине, четвертый – на Байкале. Никого не провожали, только после службы собирались по отдельности.

У них началась взрослая жизнь. Потихоньку стали жениться, подарили внуков. Теперь есть и правнучка Юленька, которую не могу на руки взять очень ненадежными руками. Просто смотрю, еще могу соску подать, а больше ничего. Володя мой останется, наверно, холостяком. Он однолюб. Очень любил одноклассницу, но она уехала. Это детское чувство, но

осталось у него на всю жизнь. Самая любимая племянница у него – Катя. Он для нее как отец. Теперь он дедушка, так волнуется за них. Самое главное в моей жизни – это

счастье быть любимым, единственным человеком. Все было в жизни: и снег, и пороша, и бури, но одного никогда не было: мы никогда не изменяли своей любви. Есть на свете это прекрасное чувство – любовь, которое никогда не повторяется. Смотрю на современных людей, особенно актеров, для них ничего в этих чувствах не остается. Не

знаю, как можно жениться, выходить замуж много раз. Не знаю, мне, старухе, не понять. Теперь я в новой роли. Я теща и прабабушка. Тещей оказалась неважной. К роли прабабушки еще пока привыкаю.